

Гарегин Нжде: миф и реальность. Часть 3.

2018-11-16

67 мин. на чтение

Как было сказано, Нжде, на протяжении более чем десяти лет тюремного заключения непосредственно не подвергался истязаниям и пыткам, если слово «пытка» понимать только в физическом смысле. И далее, такой «необходимости» не было, для чего, если человек по собственной инициативе с самого начала активно и по доброй воле сотрудничал со следственными органами, стало быть, зачем «отрезать ему язык», зачем пытать, какой в этом смысл?

Снова вернёмся назад, в ту пору, когда ещё были «ужасные времена бериевского произвола».

Только после оглашения приговора, когда уже не было страха перед расстрелом, «Хуступский орёл» вновь показывает признаки полёта: кажется, он чувствует себя более спокойным, кажется, становится смелее, даже дерзким, снова пытается натянуть на лицо свою обычную маску «героя, презирающего смерть». Он упрекает чекистов, и как вы думаете, в чём? Не догадаетесь, в том, что они с ним недостаточно искренни. Даже повидавшие виды чекисты, должно быть, изрядно удивились: что-что, а получить упрёк от заключённого «в недостаточной искренности» должно было быть редкостью в их богатой на чудные неожиданности практике.

Однако же мучительные испытания чекистов на этом не заканчивались. Нжде недоволен качеством допросов по его делу, уровнем медицинского обслуживания. Наш необычайный арестант теперь требует более внимательного отношения к своей «исключительной» персоне, почти намекает на санаторий:

«Я не получаю лечения, – упрекает чекистов Нжде, – ваша больница не для меня. Я страдаю артритом и почечной болезнью, которая сопровождается кровяным давлением, достигающим 240. Я нуждаюсь в диетической пище, в то время как приходится питаться селедкой – т.е. я принужден сознательно обострять болезни, отравлять себя, способствуя инвалидности. Разве это не бескровное убийство?»

Нет, говорите что угодно, но время от времени наш «рыцарь», арестант, становится на самом деле несравненным и неповторимым. Теперь его сердцу хочется «диетической пищи». Наверное, и это «подделали», только вот для чего?

Интересно, что его желания, похожие почти на капризы, исполнялись, конечно, настолько, насколько это было возможно. Вот заключение медицинской комиссии КГБ Армении о состоянии здоровья Нжде:

«Заключенный Тер-Арутюнян Г.Е. страдает гипертонией, общим атеросклерозом, миокардиосклерозом, хроническим воспалением печени и желчного пузыря, хроническим ревматизмом и хроническим колитом».

Врачи строго рекомендовали: допрос производить не более трех часов в день, кроме того, следователь должен был сам приходить к заключённому.

Диета: молочно-растительная.

Лечение: медикаментозное, в том числе – глюкоза и лечение пиявками.

Подписали:

Начальник санотдела МГБ Арм.ССР

подполковник м/сл. Мелик-Пашаев М.А.

Врач-невропатолог поликлиники и санотдела МГБ Арм.ССР

капитан м/сл. Чимишкян А.И.

Врач Внутренней тюрьмы МГБ Арм.ССР

подполковник м/сл. Окоев Г.

25-е марта 1952г. г. Ереван.

Рассказывает про Нжде автор мемуаров В. Овсепян:

«Начиная с марта по октябрь 1952 г. нами регулярно приобретались различные дополнительные продукты для Нжде и Деведжяна. Например: с 4-го по 18 марта 1952 г. на дополнительное питание и другие предметы было израсходовано 198 р. 40 к. Хлеб – 10 кг. Сахар (рафинад) – 5 пачек. Сыр – 0,5 кг. Мыло туалетное – 1 кусок. Носки – 1 пара. Кислое молоко – 2,5 кг. Джем – 1 банка. Яблоки – 1 кг. Лимон – 2 шт. Масло – 0,5 кг. Сметана – 0,5 кг. Сыр в пачках – 2 пачки. Или же 3-го июня 1952г.: Папиросы (Казбек) – 2 пачки. Лаваш – на 10 рублей. Сахар – 6 р. 30 к. Чеснок – 3 р. Лук – 4 р. Сыр брынза – 14 р. 29 июня было куплено: Лаваш – 2 кг – 14 р. Помидоры – 3 кг – 15 р. Сыр – 0,5 кг – 12 р. 50 к. Морковь – 3 пучка – 3 р. Перец – 0,5 кг – 5 р.»

В октябре, 18-го числа, было куплено: хлеб, лук, чеснок, помидоры, перец, виноград, персики. Как пишет В. Овсепян, в его распоряжении было 39 справок по подобным покупкам.

Согласно свидетельству того же автора, тюремная одежда Нжде заметно изнашивалась. В своей книге Овсепян цитирует рассказ сокамерника Нжде Деведжяна:

«Брюки на Гарегине Нжде были порваны. Однажды утром перед посещением дежурного офицера он еще более увеличил размер порванного места. И, когда зашел офицер, Нжде, дав волю своему гневу и красноречию, заметил, что не пристало богатому и великому советскому государству содержать его, Нжде, в такой неприличной одежде... В подобных ситуациях либо заменяли брюки и рубашку, либо давали кусок материала вместе с ниткой и иголкой с тем, чтобы арестант сам починил свою изношенную одежду».

Проходили дни, но ни новых брюк, ни нитки с иголкой для их починки не было. Казалось, что «великая и могучая советская страна» безнадежно забыла про дырявые штаны «рыцаря». Однако нет, с целью покупки для Нжде комплекта одежды было выделено 1100 рублей. Спустя неделю, а это было 28 марта 1952-го, два офицера КГБ зашли в камеру и почти торжественно вскрыли принесенный с собой пакет. В этот день Нжде получил: 1 костюм, произведенный в Чехословакии, сорочки – 2 штуки, майку, кальсоны – 2 штуки, носки – 5 пар, носовые платки – 5 штук.

«Кроме комплекта одежды ему вручили еще темно-синий галстук и две пары шерстяных носков на зиму. Две пары носков достались и мне», – не без удовлетворения пишет Деведжян. Он вспоминает, что Нжде заботливо

складывает и прячет полученные вещи, думая, что они пригодятся, когда он освободится из тюрьмы, а сам продолжает носить старую одежду.

С заботой и умилением приберечь новую одежду ко дню освобождения, конечно, очень человечно и даже – трогательно. Кажется, для объяснения всего этого было бы неуместно сценическое красноречие, но рыцарь остаётся рыцарем, выше всякого простого и житейского восприятия, всегда и во всём. И Нжде не был бы собой, если бы даже в эту понятную и заурядную ситуацию не вложил «шекспировские страсти» и героизм.

Сначала он требует, чтобы ему принесли новую одежду, – приносят, но он её прячет и не хочет надевать. Озадаченным и обиженным чекистам он так объясняет философскую глубину этого необыкновенного акта самоотречения:

«Я нуждаюсь в одежде, это – правда, однако надеть её – будет означать придать значение тому, что для меня давно потеряло смысл, будет означать, что я всё ещё имею привязанности к жизни, но это противоречит моему душевному состоянию, а оно – душевное состояние мученика».

Такие дела. Мученик мучеником, но приближались зимние холода, и теперь Нжде просит дать ему новую обувь, и, пожалуй, не было причин не выполнить его просьбу. Однако история безжалостно молчит о том, что же случилось с новыми туфлями. Нам неизвестно, надел ли их Нжде, или туфли так же, как штаны-сорочки, создавая «бессмысленную привязанность к жизни» и вступая в «противоречия с душевным состоянием мученика», были отвергнуты им как фатальные для его буйной души «рыцаря мученика» и уставших от блужданий ног земные материи?

Теперь ещё один интересный документ. Он примечателен тем, что в нём говорится о Нжде как «идеологе и теоретике».

Выписка из протокола допроса арестованного Сируни-Чолоян Акопа (год и число не отмечены, Акоп Сируни был дашнаком, писатель, знаменитый арменовед-востоковед, владел несколькими языками, автор множества художественных и научных трудов. После окончания войны был арестован в Румынии и перевезён в СССР, в 1955 году был выпущен на свободу, скончался в Бухаресте в 1973-м – А.А.).

«Я впервые встретился с Гарегином Нжде в конце 1922-го или начале 1923гг. в Бухаресте, куда он прибыл из Болгарии лечиться. Воспользовавшись своим пребыванием в Бухаресте, Нжде поручил местному молодому армянскому писателю Вардану Геворкяну написать историю своих сражений. Опубликовал ее Нжде на свои средства под заглавием «Героика Нагорной Армении». Наши взаимоотношения были нормальными, я никогда не имел с ним личных споров. Только мне не нравилась его манера писать и говорить, во всём этом ощущался какой-то «панчунизм» (Панчуни является героем юмористического романа Ерванда Отыана «Цаплвар», смешной тип «революционера»). Когда он держит речь, производит впечатление жестами и фразами, но когда пытается резюмировать или сделать заключение из сказанного им, это не удается. Точно такого же характера то, что он пишет, а именно – нагромождение фраз, из которых невозможно извлечь вывод. Так, он писал «Борьбу сынов против отцов» на фоне общих идей, непонятно, какова в нем его основная философия, несмотря ни на какие умственные усилия не удается четко определить его взгляды. Таковы и почти все его книги и статьи. Дашнакский ЦК в Америке имеет привычку ежегодно приглашать из-за границы нового деятеля для чтения лекций. Неожиданно мы узнали, что в 1932г. или в 1933г. дашнакским ЦК в Америке приглашен в США Гарегин Нжде. Конечно, имя Нжде было известно и по его книгам и по тому, что было написано про него, тем более что Нжде сам опубликовал в журнале «Айреник» в Бостоне подробную историю

своей деятельности. Прибытие Нжде в Америку вызвало большой энтузиазм среди тамошних дашнаков, как об этом мы читали в дашнакских газетах. Он совершал победоносное турне из одного дашнакского комитета в другой, и благодаря его ораторской способности, производящей в первую минуту большое впечатление, очаровывал особенно молодежь. Вдруг мы узнали, что Нжде в Америке начал основывать крупную молодежную организацию. Он поместил в газете «Айреник» серию статей с изложением своей цели. В присущем ему напыщенном тоне он восхвалял расу и указывал на необходимость создания молодежной организации под названием «Цегакрон». Из всего того, что писал и говорил Нжде, нельзя было понять что-либо вразумительное о философии и теоретической структуре создаваемой им организации. Его речи были полны красивых фраз, цитат из афоризмов и изречений великих людей и напыщенных предложений. Так как ему не удалось вдохновить теоретическими объяснениями молодежь, большей частью состоявшую из юношей и молодых людей, не знавших армянского языка и воспитывавшихся в американской среде, он в основном напирал на показную часть своего Цегакронского Движения. Все собрания, которые он проводил с цегакронами, заканчивались исполнением песен и шествием под трехцветным флагом. В бытность Нжде в Америке среди армянской колонии наметилось брожение. Заявление епархиального главы армян в Америке архиепископа Гевонта Туряна (Леон Турян) на Чикагской выставке о том, что он откажется выступать на трибуне выставки, пока там развеивается трехцветный флаг, еще больше разожгло страсти. Взаимная вражда дошла до крайних размеров, после того, когда группа людей в армянской церкви в Нью-Йорке убила Гевонта Туряна. Никак не удалось выяснить, имел ли Нжде отношение к этому убийству (Гевонт Турян был убит дашнакской группой в церкви Св. Креста, в Нью-Йорке, 24-го декабря 1933г. во время мессы). В эти сложные годы Эчмиадзин пробовал сохранять более-менее терпимые отношения с Советской властью. Чтобы не давать повода для провокаций по инструкции католика Хорена Мурадбекяна церковнослужителям диаспоры запрещалось выступать под трёхцветным флагом и допускать трёхцветный флаг в церковь. Гевонт Турян неизменно выступал за улучшение отношений диаспоры со св. Эчмиадзином и Советской Арменией, именно это было причиной вражды по отношению к нему со стороны Дашнакцутюн. В похоронах главы епархии Туряна приняли участие двадцать тысяч человек. Во всех крупных общинах диаспоры прошли многолюдные демонстрации против дашнакского злодеяния. Почти во всех общинах трёхцветный флаг был запрещён, он уже воспринимался как чисто дашнакский флаг. По делу об убийстве главы епархии Туряна американским судом были осуждены на лишение свободы 9 дашнаков, из которых двое: Матевос Лейлекян и Ншан Саргсян – как непосредственные исполнители убийства. Партия Дашнакцутюн пробовала перенести вину за это подлое убийство на Нжде, но нет никаких фактов, доказывающих связь между Нжде и инцидентом – А.А). Когда я впервые прочел в газете «Айреник» про Цегакронское Движение, я не мог сдержать своего смеха. В моих глазах это было донкихотское движение, чуждое армянской действительности... поэтому оно должно было рано или поздно исчезнуть, как мыльный пузырь. Не считаясь с возможным выговором со стороны партии, я выступил против распространения этого движения. Вскоре я получил письменный выговор. Бюро порицало меня за то, что я выступил публично против движения. Я немедленно отправил на имя бюро мотивированный протест, в котором писал, что идея «расы» – концепция, присущая диким и кочующим народностям, что является заблуждением классифицировать нации на основе сходства крови или скелета, что чистокровной расы не существует и что Цегакронское Движение чуждо армянскому народу. Эти взгляды впоследствии я более обоснованно провозглашал на собраниях, в прессе и в книгах, не стесняясь даже называть Цегакронское Движение вместо расово-религиозного грязно-религиозным (игра слов – «ցեղաշրնի» и «ցեղախրնի»). Цегакронское Движение не пустило корней ни в партии Дашнакцутюн, ни вне её. Лишь там и сям возникали

отдельные молодежные группы, которые следовали за ставшим модным в те времена фашизмом, повторяя, словно попугаи, слова иностранцев... однако всем этим группам не удалось превратиться в единую организацию».

А на сколько прав Акоп Сируни по отношению к Нжде и его «цегакронизму» в данных им оценках? Полагаем, вполне прав. И в наше время сочувствующие Нжде либо платящие дань модной нынче позе «нждефильства» так и не могут более или менее простым и понятным языком разъяснить сущность-смысл «цегакронизма», если у него вообще имеется смысл. Всякая попытка сделать это начинается и завершается почти только лишь с цитат из «глубокомысленных и сильных размышлений» Нжде и фейерверка бессмысленных и смешных напыщенных разглагольствований.

Обычно поклонники Нжде как залог грандиозного и неизмеримого героизма их кумира приводят только один шаткий «аргумент», что «Нжде спас Зангезур». Он не только просто смело сражался, показывал чудеса отваги, самоотверженно боролся, нет и нет, именно спас. Но от кого, от большевиков, ведь его борьба была направлена именно против большевиков, против Советской Армении? И, можно подумать, перед тем, как бежать, он запугивал, мол, «смотрите у меня, если не сдадите Зангезур Советской Армении, вернусь...», но как жаль, что он в поспешном беспорядочном бегстве забыл хотя бы полслова сказать про Арцах, этим бы он поверг в неописуемый ужас сердца большевиков. Советская власть, конечно же, была бы не против снова увидеть «высокомерного Хуступского орла», но это будет потом, спустя много лет, тогда перед большевиками вместо «презирающего смерть гордого орла» предстанет дрожащий, словно осенний лист, робкий и наушничавший предатель. А до этого представляющий интересы Армении Народный комиссариат иностранных дел Советской России потребовал от правительства Ирана передать ей «дашнакских бандитов».

Нота Народного комиссариата иностранных дел РСФСР послу Ирана в РСФСР Мошаверу оль-Мамалеку (Мирза Али Кули-хан Ансари), 30 сентября 1921г.:

«Господин посол, согласно официальным сведениям, которые мы получаем и которые относятся к деятельности дашнаков на территории Ирана, положение чрезвычайно серьезное: часть из них проникла в Карадаг и поступила на службу к Амиру Аршаду, которого в Тебризе финансировали англичане. Широко известный дашнак Нжде формирует вооружённые отряды из этих беглецов. Эти контрреволюционеры переполнены ненавистью и не пользуются всеобщей амнистией. В Тебризе возглавляемый дашнаком Врацяном пресловутый «комитет спасения родины» действует открыто. Руководство Ирана не может сказать, что оно в этом городе не имеет действительной власти. Его терпеливость к так называемому контрреволюционному армянскому правительству непосредственно нарушает пятый параграф Московского договора. Руководство России выражает свой протест в связи с нарушением обязательств договора между Россией и Ираном и требует немедленно пресечь сложившееся в Тебризе положение, также прибегнуть к продуктивным методам в Карадаге, требует также, чтобы деятельность так называемого правительства Врацяна была полностью прекращена, дашнаки были разоружены на всей территории Ирана, их банды и отряды рассеяны, а сами они принуждены покинуть Иран и как бандиты - нарушители границы - арестованы и переданы Советским властям. Господин чрезвычайный посол, примите моё искреннее заверение в большом к Вам уважении. Чичерин».

Ответ от иранского посла был получен 5-го октября:

«Как только я получил Вашу ноту от 30-го сентября, я немедленно информировал своё руководство о её содержании, ответ относительно Амира Аршада и комитета Врацяна будет передан Вам чуть позже. Что касается беглецов-армян, находящихся в Иране, я считаю своим долгом напомнить Вам содержание ноты от 5-го сентября, где я имел честь представить Вам извещение, полученное из Тегерана от Министерства иностранных дел. Из него становится ясно, что вышеупомянутые беглецы вошли на территорию Ирана безоружными, что они попросили всего лишь обеспечить их безопасность и возможность вернуться к своим очагам. Я всецело уверен, что, принимая во внимание те добрососедские чувства, которыми преисполнено руководство Ирана, эти вопросы будут решены, как только в Армению прибудет чрезвычайное полномочное представительство Ирана. Относительно армянских вооружённых формирований считаю своим долгом известить Вас, что они, если существуют, должно быть, состоят из иранско-подданных армян, которые, согласно конституционным законам, равноправны и служат в казачьих, милицейских, так же и в других вооружённых силах, имеющих в распоряжении иранского руководства».

Иранская сторона, выигрывая время посредством разнообразных дипломатических хитростей, позволила беглым дашнакским главарям покинуть свою страну. А обманутый ими, уведённый в Иран, подавленный и покинутый народ вскоре преодолел искусственную панику и страх, распространённые неудачливыми «спасителями», и вернулся на родину. Кстати, среди обманутых беглецов от большевиков был и А. Таманян. Он тоже вернулся в Армению, но очень жаль, что его кратковременное заблуждение стоило ему жизни его малолетней дочери: ребёнок заболел в Иране и во всеобщей суматохе и небезопасности, не получив необходимой и квалифицированной медицинской помощи, умер.

Значит, Нжде спас Зангезур, от кого же, каким же образом? Пусть бы присоединил к Армении, кто ему мешал, вместо разъединения объявил бы частью Советской Армении и ожидал бы прибытия армянских красных полков. Но как мы знаем, общеизвестно, что он сделал точно наоборот, создав настоящую опасность для Зангезура. Сделал наоборот и на радость туркам, с фанатичным упрямством, на протяжении более полугода срывал это объединение... Официального документа от 1-го декабря 1920 года, где засвидетельствован добровольный отказ Азербайджана от Зангезура, Нахиджевана и Нагорного Карабаха в пользу Советской Армении, не обнаружено. Вместо него сохранилось заявление народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина по поводу победы Советской власти в Армении, оно было обнародовано 4-го декабря 1920 г.:

«Да здравствует Советская Армения, измученная и многострадальная Армения, которая по милости Антанты и дашнаков была обречена на голод, разруху и беженство. Эта обманутая всеми «друзьями» Армения, ныне объявляя себя Советской страной, получает избавление. Советский Азербайджан 1-го декабря добровольно отказался от спорных провинций и объявил о передаче Советской Армении Зангезура, Нахиджевана и Нагорного Карабаха»

(«Известия»: №273, 4 декабря 1920г.).

Во время этого заявления органов власти Советской Армении ещё не существовало, даже ревком ещё не прибыл в Ереван.

Ревком Советской Армении со своими малочисленными красными полками не мог войти в Зангезур и Нагорный Карабах (не говоря уже о Нахиджеване). Можно было попытаться немедленно воспользоваться этим заявлением и утвердить в Нагорном Карабахе администрацию Советской Армении,

возможно, однако такая попытка имела бы в перспективе тот или иной успех только в том случае, если бы Нжде в Зангезуре провозгласил советскую власть и согласовывал свои действия с армянским ревкомом. Но целью Нжде, Врацяна и всей прочей публики была не обширная и благоустроенная Армения, по крайней мере, не главной их целью, для них важнее всего было спасти свою власть при помощи турок, им нужна была только «их» Армения, пусть бы она состояла всего из нескольких сёл, ничего, они назвали бы её «Независимая Армения» и эти несколько сёл принадлежали бы им, где они были бы по милости турок «премьер-министрами» и «спарапетами». До тех пор, пока эта карикатура на государство, брошенная под ноги соседей, не наскучила бы её хозяевам. Александропольский договор уже был подписан, Нжде продолжил эту линию – продаваться туркам, Зангезур был объявлен отделённым от Советской Армении. В связи с этим была потеряна малейшая возможность использовать заявление Сталина как удобный случай и провозгласить Нагорный Карабах частью Советской Армении. А затем наступил февральский мятеж, за которым последовала позорная телеграмма Врацяна с просьбой военной помощи от турок. Всё это отнюдь не случайные совпадения и не независимые друг от друга события, это всё предательские и преступные звенья одной цепи.

Кстати, Врацян с помощью письма хочет осведомить Нжде о своей телеграмме, отправленной туркам, но почтальон был схвачен, и письмо не доходит до адресата. Вместе с тем это ещё одно свидетельство, что «Комитет спасения» Врацяна и Нжде действовали вместе, по общему плану и сценарию, которые им подсказывали турки и англичане.

Вот письмо, которое Врацян отправил Нжде: 18 марта 1921г.

«Я уже писал тебе о нашей ситуации. Месяц как мы сражаемся. В последние дни становится заметна слабость в народе, а среди бойцов признаки панического настроения. Положение можно спасти только действующими силами из Баязета и Даралагяза, вступили в переговоры также с турецким командованием с просьбой о помощи»

(«Коммунист», 13 мая, 1921г. Ереван).

А теперь снова вспомним резолюцию Общезангезурского съезда:

«Взаимоотношения Зангезура с его соседями турками свыше трёх лет, благодаря внешним провокациям и политическому вмешательству, были враждебными, отныне съезд вполне уверен, что эта неуместная вражда между двумя вековыми соседями будет остановлена, уступив место тесной дружбе».

Можно ли найти хотя бы один аргумент в пользу того, что без объединения с Советской Арменией эта область, именуемая «Горная Армения», могла быть жизнеспособной как независимое армянское государство, что она не превратилась бы в вилайет, каким это образом и кто бы это позволил – Турция, Азербайджан?

Так называемый «цегакронизм», как объясняет Нжде, имел одну цель – спасти диаспору от неизбежного обезличения, пораженчества, держать подальше от воздействия партийного эгоизма:

«Мои многолетние размышления и исследования открыли для меня одну истину: народы, страдающие пораженчеством, излечимы, жизнь вечно возрождается, выздоровление армянской диаспоры тоже возможно. А это может быть посредством обновления, которое возможно только путём переосмысления истинных ценностей собственной истории. Исходя из данного анализа, я с глубочайшей заботой патриота-идеалиста стал инициатором

работы по организации нашего молодого поколения... Так как большая часть армян зарубежья живёт в США, где нашему молодому поколению угрожает наибольшая опасность (принимая во внимание ассимилирующее и всепоглощающее свойство американского общества), я начал образовывать движение Цегакрон в Америке».

Нжде не поясняет, что подразумевается под «истинными ценностями собственной истории», каковы они, кто их определил, он? Нам же остаётся лишь безоговорочно и, не думая, заучивать похожие на застольные тосты заповеди «великого мыслителя». А почему бы и нет, зачем ещё напрягать мозги, если Он – Мессия «после многих лет размышлений» уже нашёл рецепт для спасения нации?

Хорошо, допустим, заповеди мы заучили, а дальше? Как и для чего нужно «переосмыслить» ценности, если они уже есть «истинные ценности», и каким образом он, Нжде, их «переосмысливает», и где они, эти спасительные для нации «переосмысления», где их искать, в его пустых разглагольствованих или в ещё более позорных деяниях?

Подобные вопросы очень злили «рыцаря», вместо убедительных и аргументированных ответов на неудобные вопросы, «великий философ», «непревзойдённый ритор» и «патриот-идеалист» без смущения переходит к традиционной лексике полуграмотного «национального патриота» среднего калибра: выясняется, что все, задающие такие вопросы, есть «злоречивые подонки» и «пораженцы-туркофилы и невежи, несведущие в исторической науке». Вот так! Больше не будут задавать неуместные вопросы, маловерный и любознательный оппонент теперь сокрушён, какие ещё аргументы, какая ещё логика?

Нжде продолжает свою просветительно-реформаторскую миссию. И он сделал бы её ещё более продуктивной, если армянская церковь не понимала бы неверно «христианский завет любви, который во все века был причиной небывалой трагедии нашего народа». Этот завет проповедовал «мораль безденежья и нищенства», тем более что этот «Иисус Христос был проповедником подобного вздора», но в то же время – «Христос любил, потому что он был силён, он любил, потому что был могуществен в любви и прощении... Он пожертвовал жизнью, потому что был героем идеи. Только мужественный, храбрый, только герой мог пожертвовать своей жизнью».

Вот ведь как, теперь выясняется, что эта христианская мораль мешает тому, чтобы быть «мужественным» и «храбрым», кажется, должна «мешать», так как она «мораль обездоленных и нищих», но одновременно выясняется и то, что вместе с «христианским заветом любви», этот «нищий и обездоленный» проповедник назарянин был могуществен, был героем, был храбрым и мужественным.

В этом потоке противоречивого и взаимоисключающего пустословия не ищите зря какой-нибудь логики, всё равно не найдёте, положитесь на нового мессию, евангелист «нового учения» считает своим долгом напомнить: «Изначально армяне и христианство слились в единую сущность. Судьба их обоих едина», а его душа мессии «имеет две опоры – Бога и Родину», хотя, по правде сказать, самонадеянный автор этих высказываний с «Богом и Родиной» в своих деяниях обошёлся крайне беспечно.

Отлично, что же нам теперь делать? С одной стороны, корень всех бед и напастей нашего народа кроется в «христианском завете любви», с другой стороны, «армяне и их христианство слиты» в столь неразделимое единство, что такое положение вещей может преисполнить отчаянием каждого армянина. Но именно для этого в нужное время объявляется Он – дар судьбы,

Сверхчеловек, Мессия, Блаженный, пионер и учитель «нового евангелия спасения». Значит, ещё не всё потеряно, всего лишь нужно, чтобы нация не задавала вопросов, не думала – это поражение, ещё хуже – это туркофильство, задача нации лишь в том, чтобы безропотно следовать за Ним – Лидером нации.

«Движение Цегакрон, – поясняет Нжде, – не партия, а Договор, Орден, его организации так и называются – Ордены... Эти организации похожи на Орден рыцарей Мамиконянов (Мамиконяны – род армянских князей IV-VIII веков). Так же, как и Мамиконяны, цегакронизм пропагандирует бескорыстную преданность нации и непоколебимое желание пасть мученической смертью за Родину».

Допустим, что цегакронизм – не политическая партия (здесь притворимся, будто бы мы в это поверили, но на самом деле это была самая настоящая партия, правильнее сказать – это была попытка создать собственную партию), пусть он называется Орденом, но мы всё же ходили в школу, нас учили, что войны, в которых участвовали Мамиконяны, хотя бы отчасти велись ради христианства, а Вардан Мамиконян, а все прочие, а Аварайрская битва у берегов реки Тхмут? Опять идут противоречивые мысли.

Но, как мы узнали, «причиной всех беспримерных трагедий» нашего народа была «заповедь христианской любви». Снова что-то не так, ведь получается, что Мамиконяны, или, как мы говорим, Вардананк, пали мученической смертью, чтобы увековечить «причину всех бед». Хорошо, пусть так и будет, но в таком случае почему «Орден Мамиконянов», было бы лучше использовать другое имя? Более того, юные цегакронисты клялись на так называемой «деснице Ваагна» (в древнеармянской мифологии бог войны, огня и бури), но позвольте – где Мамиконяны, и где Ваагн...

«Прообраз храбрости, Божественный Ваагн, который своей безграничной храбростью скашивал драконов из страны Айоц: Король Айоц Драконоборец, чей образ боготворят в капищах Тарона. Я представляю и живу красотой Аварайра и бессмертными деяниями его героев, когда согласно Хоренаци «каждый человек был храмом и он же священником», когда армянская доблесть обожествляла воина армянина и те места, где проливалась его священная кровь».

Как видим, основатель и вождь «нового учения» редкостным умением, доступным только его воображению, умудряется в одном предложении одновременно «жить красотой» и бессмертным подвигом Аварайра, и безграничной храбростью скошившего драконов из страны Айоц Божественного Ваагна. Но ведь битва Мамиконянов была против Ваагна... против всех этих маздаистов (маздаизм (маздеизм) — название ряда древнеиранских религий, предшествующих зороастризму). Между нами говоря, в Аварайрской битве участвовали именно персы-мазадаисты, которые должны были сражаться под покровительством могущественной десницы Божественного Ваагна и под его знаменем... Быть может, всё же предположить противоречие в мыслях Вождя может только безнадежный пораженец.

Да, но есть ещё одна очень плохая вещь – ведь настолько важный аспект для цегакрона, как чистота крови, ни у прообраза храбрости Драконоборца Короля Айоц, ни у Мамиконянов, мягко говоря, не был безупречен, кровь, текущая в их жилах, всё-таки была не свободна для цегакрона от извечно отвергаемой «нечистой и чужой» помеси. Кроме этого, по крайней мере, хотя бы Драконоборец должен был иметь проблемы, в том числе в немаловажном для цегакрона смысле «беспорочности расового (племенного) языка». Нам не известно, в какой мере владел армянским языком Божественный

Драконоборец и владел ли им, хотя бы при помощи словарей? Но пока что не развеяны наши сомнения, что со времён от сотворения язык, подаренный богом нашему роду, не был «родным» для Драконоборца, хотя, мы не утверждаем это, ведь сие тоже может быть злокозненной сплетней пораженцев. Однако и в этом нет ничего ужасного, Иисус ведь тоже был из чужого рода-племени, но мы сделали его нашего рода-племени, «фатально тождественный и слитый в единую сущность с армянами».

Весь этот разрозненный бред Нжде должен был вбить в головы юношей диаспоры с целью внушить самую главную мысль: «Не следуйте за Дашнакцутюн, не следуйте за церковью, идите ко мне, только ко мне, ибо я проводник, я свет, я истина, я Вождь, я, я, я, посланный вам судьбой...».

Должно быть, не столь уж сильно ошибался Акоп Сируни, снова вспомним один отрывок из написанного им про Нжде:

«Когда я впервые прочел в газете «Айреник» про Цегакронское Движение, я не мог сдержать своего смеха. В моих глазах это было донкихотское движение, чуждое армянской действительности, армянской жизни...поэтому оно должно было рано или поздно исчезнуть, как мыльный пузырь... Я ни разу не имел личных споров с ним. Только мне не нравилась его манера писать и говорить. В его писаниях и разговоре замечался какой-то «панчунизм» (Панчуни является героем юмористического романа Ерванда Отыана «Цаплвар», смешной тип «революционера»). Когда он держит речь, производит впечатление жестами и фразами, но когда пытается резюмировать или сделать вывод из сказанного им, это не удается. Точно такого же характера то, что он пишет, а именно – нагромождение фраз, из которых невозможно извлечь вывод... непонятно, какова в нем его основная философия, несмотря ни на какие умственные усилия не удается четко определить его взгляды.Таковы и почти все его книги и статьи... Из всего того, что писал и говорил Нжде, нельзя было понять что-либо вразумительное... Его речи были полны красивых фраз, цитат из афоризмов и изречений великих людей и напыщенных предложений...».

А теперь прочтём это в самовосхвалении Нжде: «И в битвах я оставался человеком, больше чем человеком...». Всё же, «больше чем человеком». Посмотрим, как надо понимать его выражение «больше чем человек»? Однако в чём состоит дело расы – непонятно, дело расы – только воскурять Ему фимиам, Вождю племени, Больше чем человеку...

Цегакронизм Нжде не представляет из себя хоть сколько-нибудь законченной идеологической, теоретической или морально-этической системы. Это не что иное, как напыщенная каша из взаимоисключающих понятий. И вовсе не случайность, что эта лавина красивых слов была предусмотрена для молодёжной, если не сказать, по-юношески доверчивой аудитории и с самого начала имела цель занять среди неё (молодёжи) место Дашнакцутюн. Совершенно неважно, что эта молодёжь так и не могла взять в толк, что же, наконец, от них требуется, чтобы быть «настоящими армянами», то есть – «цегакронами», кроме учения наизусть Его изречений и тех денежных взносов, которые должен был оплачивать молодой приверженец движения Цегакрон?

Цегакронизм не предлагал никакой политической программы, тем более не затрагивал проблем государства и государственности, цегакронизм Нжде вообще несовместим с государственностью. Эта привлекательная наживка была исключительно для того, чтобы ввести в заблуждение молодёжь диаспоры, затянуть её изначально, как было сказано, в капкан Дашнакцутюн, властвовать над ней, сеять в ней ненависть и вражду по отношению к советской родине.

Нжде попытался эти цегакронские группы подстроить под себя, стать вождём «племени», исключительным, единственным и несравненным, отсюда и его столкновение с Дашнакцутюн. Цегакронизм – в самом деле «панчунизм», пустая форма без содержания, сценическая патетика, фразерство, не имеющее связи с действительностью, и неудивительно, что молодёжные группы ничего не понимали из этого водоворота противоречивых и нелогичных фраз, начинали скучать и расходились, как только театральный эффект выпренных речей Вождя улетучивался.

Цегакронизм Нжде так и не вышел за рамки бледной и искусственной карикатуры на немецкий нацизм. Однако фюрер немецких «арийцев», как нам известно, «по-рыцарски» покончил со своей презренной жизнью. Нжде, должно быть, был не столь сентиментальной натурой. Вместо этого лидер армянского цегакронизма без заметных душевных мук удобно устроился в совершенно новом образе «искреннего друга» Советской власти и продолжил своё земное бытие до определённого ему судьбой часа.

Но от изречений «Вождя племени» вновь вернёмся к его деяниям, в конце концов, именно в них истинный Нжде. Разумеется, объективность дела Нжде не должна вызвать сомнений, если внимательно вникнуть, непредвзято и терпеливо сопоставить и проанализировать представленные документы и материалы. Однако всё равно мы обещали вернуться к проблеме «этих КГБ-шных бумажек», учитывая возможное к ним недоверие читателя. Значит, чтобы быть до конца справедливыми, будем уважать эти вероятные сомнения и сначала рассмотрим их с точки зрения гипотезы о поддельности дела Нжде.

Итак, может быть недоверчивость читателя действительно не безосновательна, может быть, с Нжде на самом деле обошлись несправедливо – истязали, фальсифицировали материалы дела, ну, кто же не знает этих «бериевских палачей»? Но как мы увидели, советские власти не поленились, вместо того, чтобы выбросить жалобы Нжде в ближайшую мусорную корзину, приложили усилия и средства для того, чтобы снова проверить его дело.

Мы уже говорили, что в те годы началось настоящее сведение счётов с «бериевскими кадрами», но даже в действиях «следователей врага народа Берии» какой-либо незаконности и фальсификации не выявлено, а желающих выявить подобное было много. В соответствии с выдвинутыми ему обвинениями условно разделим протоколы допросов Нжде на две группы: первая – «зангезурский эпизод», вторая – «немецкий эпизод».

С первой группы и начнём наше расследование, она была самой тяжёлой для Нжде, именно здесь он обвиняется в массовом убийстве военнопленных и крестьян. Больше всего Нжде боялся этих обвинений, и не случайно, как раз в этом эпизоде, что он, для отрицания вменяемой ему вины, не найдя какого-либо разумного довода, прибегает к нехитрому обману и даёт ребячливые нелепые ответы. Вспомним вкратце эти фрагменты и попробуем сами себя убедить, что их могли «подделать» чекисты, что они могут быть сфальсифицированы.

Как пример возьмём протокол №7, получится вот такое смехотворное зрелище – следователь сначала задаёт вопрос от своего имени.

Следователь:

– Расскажите, чем был вызван созыв «Общезангезурского» съезда 25-го декабря 1920 г. в Татеве, какие были приняты решения и Ваша роль на этом

съезде?

Что же делает следователь потом? Ну, конечно же, потом он сам себе отвечает «от имени Нжде»:

Нжде:

- На этом съезде я роли не играл, а был избран спарлапетом (главнокомандующим). Съезд был созван с целью создать нормальное положение в пределах Зангезура и ждать момента присоединения к Родине - Армении.

Следователь возвращается к выполнению своих священных обязанностей и задаёт следующий вопрос.

Следователь:

- К какой же Армении должен был присоединиться Зангезур?

Теперь следователь вынужденно, возможно, браня сам себя, должен преобразиться, чтобы ответить вместо Нжде. И зачем только он задал этот глупый вопрос? Иди теперь, вместо этого Нжде, найди такой же глупый ответ, однако находит, самый невообразимый и, разумеется, самый глупый.

Нжде:

- К Советской Армении.

Здесь самое интересное то, что следователь вновь возвращается в своё естественное состояние, сердится сам на себя, не верит своему же ответу, какая бесстыдная ложь.

Следователь:

- Нет, это не так. Работа съезда была направлена исключительно против советской власти и имела целью усиление борьбы против Красной Армении.

Посмотрим допрос №10:

Следователь:

- Знает ли вы Сейли?

Теперь следователь должен солгать, но это не стыдно, ведь он говорит вместо Нжде.

Нжде:

- Да, я Сейли знаю... Зимой 1920 г. Сейли был убит. По одной версии, убийство Сейли было совершено дашнакским военным министром Тер-Минасяном Рубеном, по другой - местными жителями якобы при попытке бегства.

Следователь и сам не понимает, зачем он клеветает на этого Рубена? Несмотря на это, он опровергает себя, ведь до этого он был «Нжде», а теперь - снова следователь.

Следователь:

- Вы говорите неправду. Узнав, что Сейли является коммунистом, Вы его и расстреляли.

Таким образом, по всем правилам «совершив ошибку», наш несчастный следователь снова срочно входит в образ Нжде.

Нжде:

- Я настаиваю на своем показании.

Теперь он вновь следователь.

Следователь:

- Вы захватили в плен... Сейли и после полуторамесячного заключения приказали своему помощнику Герасиму Атаджаняну расстрелять его, что и было выполнено.

А здесь он - непоколебимый Нжде.

Нжде:

- Я отрицаю это.

Здесь он опять неумолимый следователь.

Следователь:

- Вам предъявляется показание свидетеля Хойлунца Арсена о том, что в Горисе Вами был расстрелян Сейли. Вы опять будете отрицать, что убийство Сейли было совершено по Вашему приказанию?

А здесь он вновь непоколебимый герой.

Нжде:

- Да, отрицаю.

Следователь, как порядочный чекист, делает ещё одну отчаянную попытку сломить «самого себя».

Следователь:

- Следствие предлагает Вам давать правдивые показания.

Но победить раздвоение личности ему так и не удаётся, поскольку чекистская твёрдость воли всё-таки давала о себе знать и в воплощённом им образе «Нжде».

Нжде:

- Я настаиваю на своем показании.

Протокол №11

Следователь:

- Следствие располагает данными, что по Вашему приказанию в конце 1920 и начале 1921гг. были сброшены в Татевское ущелье сотни людей -

коммунистов и красноармейцев, что Вы скажете об этом?

Нжде:

- Из Татевского монастыря в ущелье были сброшены только два человека, привезенные «Комитетом спасения» Врацяна, по приказу которого и было совершено это убийство.

Следователь:

- Предъявляется Вам показание Хойлунца: «...по приказу Нжде были расстреляны или сброшены живьем в ущелье более 400 русских красноармейцев, коммунистов, крестьян и рабочих армян...»

Нжде:

- Я отрицаю это.

Следователь:

- Предъявляется Вам показание свидетеля Джанунца Авага: «...по приказанию Нжде были брошены в Татевское ущелье 263 русских красноармейца, из которых часть была сброшена живыми, а остальные после расстрела». Вы опять отрицаете это?

Нжде:

- Да, отрицаю, показания свидетелей Хойлунца и Джанунца считаю неправильными.

Так и не выяснилось, зачем и для кого было нужно чекистам «подделывать» такую клоунату? Выходит, что следователь настойчиво требует от Нжде признать совершённое им преступление, а потом, «преобразившись» и став «Нжде», любым способом пытается помочь ему опровергнуть им же самим (следователем) выдвинутые тяжкие обвинения. Зачем, ведь этот вопрос должен иметь разумный ответ, если же нет, то это не следствие, а самая настоящая шизофрения. Но зачем, для чего «подделывающий дело» КГБ должен был сам себя выставлять на такое бессмысленное и унижительное издевательство...? Для того, чтобы помочь Нжде? Однако в таком случае это можно было сделать менее смехотворным способом, без постановки для самих себя такого фарса.

Конечно, понятно, что нет никакого фарса, это превращается в нелепый фарс только в том случае, когда мы, обманывая сами себя, пробуем себя же убедить, что всё это может быть подделано. Гипотеза, что этот и все прочие случаи «подделка», неизбежно приводит нас к такому смехотворному результату, и знаете почему, потому что в этой гипотезе отсутствует разумное обоснование, для чего должны были это делать, мало сказать, что в этом просто-напросто не было логики, в действительности здесь мы сталкиваемся с вопиющей нелогичностью, не имеющей связи с рассудком. Конечно же, ничего не «подделано», следователь - есть следователь, а Нжде - есть Нжде.

Как и службы государственной безопасности любой страны, КГБ было не чуждо ни «подделка дел», ни выживание под пыткой «признания», и, конечно, гуманизм не являлся его главной ценностью. В данном вопросе иллюзий мы не имеем, так что продолжим изучать ту изначальную гипотезу, что имеющиеся архивные документы как исторические источники «недостоверны».

Предположим, несмотря на наше ознакомление с протоколами допросов, что в них мы не находим таких признаний и самораскрытий, позволявших нам утверждать, что следователи, таким образом, добились своей цели – угрозами, пытками или фальсификацией заставили Нжде дать признательные показания. Один из главных доводов беспристрастности материалов дела именно в этом – следователи так и не получили заветное «признание», напротив, они получили от Нжде «отрицание».

Нжде принял только факт своего сотрудничества с немецкой контрразведкой, а вину, вменяемую ему за расстрелы в Зангезуре, которая была самой тяжкой и которая могла привести его на эшафот, категорически отвергал. С точки зрения обсуждаемого вопроса, естественно, для нас важны только показания Нжде, даже если примем, что все свидетели в своих показаниях лгут, что их показания «фальшивки», всё равно, в контексте данной проблемы это не самое главное. Нас интересует только линия поведения Нжде, материалы его допросов, его показания и вопрос об отношении к нему следователей. Во всех случаях, когда дело касается него, Нжде сразу же становится осмотрительным и осторожным, действует так, как в данный момент и в данных обстоятельствах ему целесообразно, не говорит ничего такого, что может ему навредить, а зачастую не считает ниже своего достоинства угодить советской власти: «Великому Сталину», «истинным ученикам Ленина».

Мы «беспощадно» здесь и сейчас напомним несколько «эпохальных» мыслей из различных записей «героя», например, вот это:

«Сейчас партия Дашнакцутюн стоит перед дилеммой, с кем она должна быть – с турками, или с великим русским народом. Она будет предательницей, если решительно не ответит: «С русскими против турок!»

Вспомним и это:

«Для цегакрона великий русский народ единственный естественный союзник армян...», ещё одно, «...Турки...не смогут когда-нибудь быть с Советским Союзом, именно по этой причине армянский народ не может жить в условиях государственности без советского друга – русского народа».

Из письма, написанного министру госбезопасности Армении Кримиану:

«Армянин может и не быть большевиком, но не может не быть с Советским Союзом, если он истинный и политически зрелый патриот».

Из письма, написанного Сталину:

«Я не хотел бы умереть в Ваших тюрьмах... Не покинув Софию, я проявил высокий патриотизм и искреннее желание примириться с Советской властью. Я остался, доверяя Вам. Кто доверяется истинно великому человеку, истинному величию, тот не раскаивается. Верю, что на мое рыцарство, будет отвечено рыцарством».

Из письма Ворошилову:

«Советская власть в Армении... обусловлена в сознании армянского народа так, что без защиты великого русского народа он не может свободно жить и созидать».

В то время как следователи «нагло попирали принципы ленинской законности...», «...я ныне, когда великим союзом народов руководят истинные ученики Ленина, хочу верить, что голос живьём погребённого патриота достигнет его семьи».

Здесь нет ничего «подделанного», не могло быть, даже самые горячие апологеты Нжде, мы убеждены, внутренне сами понимают это. Что это, обязательное раболепие «героя», боящегося смерти, или обязательное «переосмысление» прожитой жизни, но неужели это не одно и то же?

В событиях, произошедших в Зангезуре, которые беспокоили и нервировали его больше всего, Нжде постоянно опровергает своё участие в расстрелах и всё это приписывает другим. В случае предъявляемых ему обвинений, опасных для него, он всё время отвечает: «я отрицаю это», «я настаиваю на своих показаниях», или, «я не знаю, всё это сделали они – «Комитет спасения», дашнаки, Рубен...».

Все «опровержения» и «отрицания» Нжде есть в деле, если бы показания заключённого были фальсифицированы, то мы бы и не узнали об этих «опровержениях», они не должны были иметь место в материалах дела, но они есть, запротоколированы и мы их представили. То есть, если бы его «отрицания» не были бы внесены в протокол, либо они были бы превращены в предельно чистое «признаю», как было принято в случае «поддельных дел», тогда можно было бы поставить под сомнение истинность показаний. Однако что должно было быть и здесь фальсифицировано, если подобная фальсификация могла быть «оправдана» только в случае вытягивания наружу «признания» из уст обвиняемого? А иначе получится, что Нжде делал признания, а следователь, вместо того чтобы радоваться, не известно почему, «сфальсифицировал» и его «признание» превратил в «я это отрицаю», ведь в деле присутствует «отрицание», а отнюдь не «признание».

Следовательно, предположения или сомнения, что показания Нжде могут быть подделаны, неубедительны и безосновательны. Эти предположения могут казаться более или менее основательными, если бы следователям удалось выудить у Нжде «признание», но этого не было, этого нет, а целью всей фальсификации его показаний должно было быть именно это. Без получения «признания», более того, вместо этого добросовестное протоколирование его «отрицаний» и «опровержений» делает фальсификацию дела бессмысленной и нелогичной. Итак, у КГБ не было причины подделывать показания Нжде, для чего нужно было это делать, именно это «для чего?» не имеет здравомыслящего ответа.

Теперь перейдём к обвинениям по «немецкому эпизоду». Эти обвинения пугали Нжде меньше всего, здесь уже можно было попытаться немного завоевать сердце Советов, польстить; верно, он в какой-то области пробовал работать на немецких нацистов, но потом разочаровался и отказался от этой идеи, наоборот, даже желал содействовать Советам и лично «великому человеку» – Сталину. В обвинениях по «немецкому эпизоду» от него требовали только раскрытия информации, и Нжде, не скупясь, преподносил её чекистам, да ещё и вместе с полезными советами. Говоря о других, в своих письмах и ответах следователям Нжде, как мы видели, искренен как ребёнок, он выносит на поверхность имя за именем, преподносит всё на блюдечке, сообщает даже адреса. Мы назвали это «доносом» (предательством), конечно, отдавая себе отчёт в том, что предъявляем тяжёлое обвинение «герою» и что подобное обвинение нельзя просто так выдвигать в чей-либо адрес, тем более Нжде, осознавая, что многим это может причинить боль. Но как мы сказали, это повествование для тех, кто готов пережить эту боль, пройти через это испытание, но взамен быть вознаграждённым искренней радостью освобождения от самообмана и фальшивой «патриотической пропаганды». Так что истина – прежде всего. Конечно, мы обязаны специально остановиться на этой проблеме. Вновь процитируем здесь интересующие нас отрывки из показаний Нжде, надеемся, читатель будет снисходителен и не сочтёт это за неуместное повторение, это необходимо сделать для того, чтобы именно ему, читателю, было удобно, чтобы он не был вынужден для проверки уже

прочитанного снова возвращаться назад, чтобы он мог сосредоточить всё внимание на конкретном разделе. Итак, давайте терпеливо и очень внимательно перечитаем.

Протокол допроса Нжде (выписка) 17 октября 1944г. номер 2

Следователь:

- Представьте имена и фамилии входящих в группу армян, которые прибыли в Берлин, для прохождения подготовки.

Нжде:

- В составе этой группы пребывали следующие лица: Маркосян Маркус, 25 лет, беженец из Западной Армении, живёт в городе Сливен, по профессии, кажется, сапожник. Петросян Оник, 30 лет, турецкий армянин, переселенец, парикмахер, живёт в Сливене. Бостанджян Григор, 30 лет, турецкий армянин, имеет книжный магазин, живёт в Бургасе (арестован, - А.А.). Петикян Срвасар, 30 лет, турецкий армянин, офицер запаса болгарской армии. Сын владельца ковроткацкого предприятия, живёт в селении Панапорица, что неподалёку от Пловдива. Джалалян Седрак, 60 лет, эмигрировал из Советской Армении в 1920-21 годах. Учитель, из города Варна. Сейчас в Берлине, где присоединился к группе Дро. Тамазян Арам, 25 лет, турецкий армянин, коммерсант, из Варны, вместе с Джалаляном остался в Берлине, присоединился к группе Дро. Григорян Абрам (Абро), 60 лет, турецкий армянин, рабочий, жил в Софии, улица Сафрона. В первые дни по прибытии в Берлин заболел, был перемещён в больницу, однако не знаю, где теперь он может находиться. Минасян, имени не знаю, 27 лет, рабочий, турецкий армянин, живёт в Варне. Мартик, фамилии не знаю, 50 лет, турецкий армянин переселенец, слесарь, имеет слесарную мастерскую в Пловдиве (арестован, - А.А.). Оник, фамилии не знаю, 25-30 лет, турецкий армянин, живёт в Софии, сапожник. Фамилии остальных не знаю. Их хорошо знает доктор Айк Асатрян, он в Софии, в доме своего свояка, который владеет кофейней. Его адрес можно узнать посредством армянской церкви. Список всей группы, прибывшей в Берлин, составил доктор Асатрян.

Протокол допроса Нжде (выписка) 17 октября 1944г. номер 3

Нжде:

- После падения фашистской Румынии Деведжян прибыл из Бухареста в Болгарию и остался здесь с какой-то политической миссией. В данное время он проживает в г. Варна, у своей родной сестры. Деведжян в курсе всей деятельности Дро и является одним из самых активных и непосредственных сотрудников Дро по вербовке сил для использования против Советского Союза.

Протокол допроса Нжде (выписка) 18 октября 1944г. номер 4

Нжде:

- Мне лично известно, что находящийся в Бухаресте Саркисян Ефрем два раза ездил в Берлин по делам разведки и вербовки. Саркисян является одним из близких друзей Дро и в курсе всей деятельности последнего в пользу немецких органов разведки. Одним из доверенных людей Дро является проживающий в Бухаресте член комитета партии Дашнакцутюн по Румынии Саруни Саркис. Начальником штаба Дро является Багдасарян Тигран... он разъезжал по оккупированным областям Украины, по слухам, проявлял большую активность в разведывательной службе в пользу немцев. Где

находится в данное время – мне не известно. Одним из доверенных людей Дро является дашнак, эмигрант из Армении Арто, при дашнакском правительстве в Армении состоял приставом или помощником... Он так же занимался шпионажем в пользу немцев... Арто в данное время должен находиться в Бухаресте, где известен всем армянам. В группу Дро так же входил, как старый дашнак, маузерист – некто Арутик, фамилии которого не знаю. Арутик все время разъезжал с Дро по оккупированным районам Украины и Кавказа, принимал активное участие в шпионаже в пользу немцев (маузерист Арутик был арестован, в 1955-ом вышел на свободу – А.А.). Будучи в Бердянске, мне так же стало известно от Гаспаряна, что на оккупированной части Кавказа действовала группа Дро из нескольких молодых дашнаков-студентов, обучавшихся в Берлине. В эту группу входили: Абемян Ваче – сын доктора Абеяна, Цолак Арутюнян, ирано-подданный – зять члена политической комиссии Давидханяна, и сын торговца коврами из Вана в Берлине, фамилии которого так же не знаю. Остальные студенты из группы Дро мне не известны. В конце этого протокола есть один специфический фрагмент. Нжде, кажется, радуясь, что не забыл раскрыть личность ещё одного, с удовольствием добавляет: «Я ещё вспомнил одного из ближайших сотрудников Дро – Гарегина. Старый маузерист, проживает и занимается торговлей в Бухаресте...».

«Я ещё вспомнил одного...» – это тоже подделали чекисты, наверное, для того, чтобы добавить больше драматизма к своему «произведению». Таким образом, мы настаиваем, что эти показания Нжде не что иное, как предательство (донос). Нам известно, что некоторые из представленных в показаниях Нжде людей были арестованы (Айк Асатрян, Ованес Деведжян, Нерсес Аствацатрян, Григор Бостанджян, Мартик Дограмаджян, маузерист Арутик). Вместе с тем мы не можем однозначно утверждать, что их выявили и арестовали именно по показаниям Нжде. Мы и не имеем подобной цели. По всей вероятности, эти люди могли ещё раньше появиться в поле зрения «Смерш»-а и КГБ, и, пожалуй, без помощи Нжде их бы нашли и арестовали. Но не это важно, ведь мы же говорим о выдержке «героя», его «рыцарском» образе и линии поведения, об оценке этой линии поведения и «необъяснимой» нежности КГБ по отношению к нему. В любом случае совершённое Нжде – предательство, независимо от того, как и при каких обстоятельствах арестовали этих людей. Наша оценка, как видите, основывается на имеющихся напечатанных и представленных вам протоколах, они есть, мы ничего не сочинили, не подделали, так что здесь трудно обвинить нас в предвзятости по отношению к «герою».

Снова напомним, что после ареста Нжде сам предложил свои услуги КГБ, это была его инициатива, то есть он осознавал, на что идёт, это важный нюанс, и далее, он дал содержащее в себе элементы доноса показание ещё во время самого первого допроса. Советская власть никогда не имела планов сделать Нжде участником «антитурецкой» инициативы, естественно, ничего подобного ему не предлагала, такого, хотя бы даже замаскированного, намёка в его деле мы не находим. Возможного участника секретных или открытых военных либо политических действий не держат в тюремных условиях, пусть даже они были более или менее привилегированные, с ним ведут всю необходимую в таких случаях работу и в совершенно иных условиях. Не принимать такую простую и само собой разумеющуюся истину – значит не видеть факта, делать вид, что его нет, значит прятать голову в песок. А что в этом такого, можно и так, это уже вопрос выбора. В тюрьмах сидело немало учёных и военных, вспомним некоторых: Андрей Туполев, Сергей Королёв.

Болельщикам «сильных изречений» Нжде эти имена вряд ли что-нибудь скажут. Но всякий «троечник», закончивший советскую «антинациональную» школу, подтвердит, что это были имеющие мировую известность

конструкторы. Когда началась война, этих людей вместе с сотнями заключенных специалистов изолировали в специальных лагерях, для них обставили лаборатории, создали конструкторские бюро. Королёв ещё в месте заключения получил должность. В сравнительно свободных и удобных условиях лагеря эти люди созидали чудеса научно-технической мысли. Туполев провёл в заключении четыре года, Королёв – 6 лет, в конце концов, их досрочно освободили, после чего на них подобно ливню хлынули высшие государственные награды и звания. Спустя всего два года после освобождения Туполев получил Сталинскую премию. Константин Рокоссовский три года в тюрьме ждал приговора к расстрелу, но вместо этого его в 1940-ом выпускают на свободу, присваивают звание генерал-майора, в тот же год вместе с семьёй отправляют в Сочи – в дом отдыха, после чего он возвращается в действующую армию. Примеров, подобных этим, много, мы выбрали общеизвестные имена. Обвинения в отношении всех этих людей были подделаны, они обвинялись по расстрельным статьям: антисоветский заговор, вредительство, шпионаж. По отношению к ним чекисты были безжалостны и неумолимы, поскольку они, будучи советскими гражданами, рассматривались как «предатели». В отличие от Нжде, они подвергались истязаниям и не могли требовать «диетической пищи». Как только почувствовалось дыхание предстоящей войны, советское руководство забыло все выдвинутые обвинения, чтобы использовать их ум и умения для государства, и эти люди самозабвенно работали и создавали свои редкие самолёты и ракетные двигатели. А кем был Ндже для КГБ, мы уже говорили. Только второстепенными шпионскими интригами с Дашнакцутюн Нжде, конечно, не мог претендовать на Сталинскую премию, но если уставший от солёной рыбы заключённый хочет диетической еды – пожалуйста, чешский костюм – пожалуйста, прогулку по Еревану – малость роскошно, но ладно, пускай и это будет. Кажется, не так уж и мало для заключённого, у которого одна забота – любой ценой спасти свою голову. Помимо использования Нжде, по его же собственной просьбе, в этих шпионских интригах и наущничестве КГБ, как мы уже говорили, не имел по отношению к нему никаких «антитурецких» планов, сколько бы ни старались некоторые доказать обратное и, как и в других случаях, в этом вопросе, не предоставляя никаких фактов, никаких разумных обоснований. Турция ещё в феврале 1945-го присоединилась к антигитлеровской коалиции, то есть в том числе и к СССР, и объявила войну Германии. А история, связанная с Карсом и Ардагамом, была нужна советским властям только для того, чтобы подвергнуть Турцию политическому шантажу во время переговоров и в вопросе проливов вырвать у неё уступки, не более. Так что сказка о якобы ожидаемой со дня на день войне с Турцией, а так же дешёвая и безграмотная легенда о том, что будто бы «военный и политический гений» Нжде должен был быть в ней использован, – всего лишь плоская ложь из тех, что распространены среди нас и имеют верящих в это людей. Мы и в связи с этим приводили наши подробные аргументы. Нжде должен был на деле доказать своё искреннее желание работать на КГБ, он должен был послушно говорить и делать то, что от него требовалось. Он хотел избежать смерти, а для этого должен был вызвать у КГБ какой-нибудь интерес по отношению к своей личности, должен был показать, что он может быть полезен, и эту пользу проявить на деле. А иначе получилось бы, что его не расстреляли только из-за того, чтобы он смог свои послания и «редкие философские размышления» передать на бумаге, а за это «признательная» советская власть, помимо того, что его не расстреливает, ещё и организует для него богатую на впечатления экскурсию по достопримечательностям Еревана, попутно давая повод оценить комфорт служебного автомобиля КГБ. Но и это ещё не всё, сердобольные чекисты покупают для Нжде со вкусом подобранный чешский костюм, привозят письмо от его жены из Болгарии, обогащают его меню «диетической пищей» и экзотическими для заключённого фруктами. Однако давайте не будем строить из себя детей, ведь мы же понимаем, что всё это просто так не бывает. Нжде должен был быть достоин такого отношения к себе, со «вспотевшим лбом» должен был

заработать эти 30 сребреников... и он не оставался в долгу.

Вернёмся к эпизоду предательства. Давайте теперь рассмотрим проблему с другой стороны, давайте попробуем спасти образ «героя», даже если это может увести нас в жанр фантастики. Но, уважая читателя, попробуем и это, для того чтобы использовать все возможные способы, принимая во внимание важность вопроса. По нашему мнению, у нас остался один выход, правда – невероятный, правда – несерьёзный, правда – нелогичный, но ухватимся и за эту соломинку, как хватается за неё утопающий. Эта невероятность, несерьёзность и нелогичность заключена в такой безнадёжной гипотезе, что, может быть, Нжде не давал подобных показаний, не раскрывал имён и адресов, что всё это подделали «следователи-клеветники из «Смерш»-а». Давайте будем внимательны, в том числе и к числам месяца в протоколах допросов, это тоже важно. Первое своё показание Нжде дал в Софии сразу после ареста, 12 октября 1944 года, следователям «Смерш»-а. Это понятно, «Смерш» спешил, нельзя было терять времени, необходимо было без промедления пойти по горячим следам и найти вероятных сообщников Нжде, которые, может быть, ещё не успели бежать из Софии. Именно во время этого первого допроса Нжде сообщает, что ему известны имена диверсантов. Спустя несколько дней, 17 октября, по-прежнему находясь в Софии, он даёт более обстоятельные и детальные сведения об этих людях, не забыв упомянуть также и своего друга Айка Асатрян и даже раскрыть место его пребывания. А это уже трудно понять, сколько же голов имели следователи «Смерш»-а, что смогли ввести в заблуждение вышестоящих и своих коллег. Для чего? Чтобы, обманывая самих себя и других людей, от имени задержанного раскрывать информацию, «подделывать показания», чтобы что, для кого, для чего, с какой целью? Да ещё в самый первый день допроса, первые же показания, когда в вопросе будущей судьбы арестованного ещё нет никакой определённости и не могло быть, когда ещё было неизвестно, какое отношение к Нжде проявит Москва, какое даст задание? Снова скажем, что «Смерш» («Смерть шпионам!») был контрразведкой Красной Армии, он не имел никакой связи с органами государственной безопасности, хотя и внутри него было немало закалённых в чекистских испытаниях и также сражавшихся на фронте боевых офицеров. «Смерш» действовал в системе Министерства обороны, как одно из его подразделений и чей начальник, В.Абакумов, подчинялся непосредственно Сталину. После войны «Смерш» прекратил существование как отдельная структура. «Смерш» не занимался делопроизводством задержанного и не имел в дальнейшем по отношению к задержанному какого-либо интереса и ведомственной выгоды. Его миссия была выявлять и арестовывать гитлеровских марионеток, он не принимал никакого решения в отношении дальнейшей судьбы задержанного, тем более не имел никаких причин и мотивов фальсифицировать показания, тем более, что фальсифицированные показания могли ввести в заблуждение Москву в вопросе уточнения отношения к личности того или иного задержанного, так что для следователей «Смерш»-а фальсификация показаний задержанного была не только бессмысленна и нелепа, но даже равнозначна самоубийству. Задержанного после первых допросов вместе с имеющимися материалами отправляли в Москву, и только там, в Москве, производство дела передавалось госбезопасности – КГБ, руководство которого избирало характер и вид дальнейшего отношения к задержанному.

Это к слову, а теперь продолжим «расследование»...Прежде всего, мы должны ответить на следующий вопрос: почему следователи, тем более разные следователи, представляющие различные структуры, должны были прибегнуть к подлогу, какую задачу они решали при помощи этого? Это прилипчивое и злосчастное «почему» возникает самопроизвольно, как и в случае с «зангезурским эпизодом», теперь это «почему» упрямо и неизбежно требует ответа, уйти от него мы не можем. Без ответа на этот вопрос утверждать, что показания Нжде подделаны, – значит добровольно катиться в

пропасть самообмана, который мы в самом начале охарактеризовали как «комплекс чёрного кефира», значит убегать от истины и по собственной воле, даже с удовольствием, выбирать незавидную участь блуждания во мраке. Так, значит, давайте вместе подумаем, для чего эти «подлые чекисты» (мы слово «чекисты» иногда используем как общее понятие, «Смерш» и КГБ, как было сказано, были разными ведомствами и при этом независимыми друг от друга) должны были подделывать показания, ведь это должно иметь цель и логику? Наверное, хотели взвалить на Нжде безосновательные преступления, обосновать его вину и получить от Нжде признательные показания. Единственной целью в фальсификации материалов допросов Нжде могло быть только это. Согласитесь, что трудно найти иной аргумент. Но в таком случае, почему в предполагаемом намерении свалить на Нжде вину в преступлениях нет стремления его оклеветать, почему часть доноса в его показаниях не имеет в своей основе никакой логической связи с гипотезой о фальсификации, в данном случае Нжде сам даёт имена диверсантов, он раскрывает информацию, он хочет быть полезен чекистам, он облегчает их работу своими «добрыми советами», значит, что ещё должно быть подделано? Чекисты, правда, были мастера своего дела, но, тем не менее, не были «предсказателями и ясновидцами», чтобы без помощи Нжде как свои пять пальцев знать армянскую общину в Болгарии, знать диверсантов, всех этих сапожников, парикмахеров и ковроделов, их имена, возраст, профессию, их родственные связи, сестёр, свояков. А если они всё это знали, то почему же медлили, тратили время и давали возможность подозреваемым скрыться? Нужно было немедленно идти, найти, поймать. Выходит, что «ясновидящие» следователи подделали от имени Нжде, что Айк Асатрян «живёт в Софии, хозяин кафе – в доме свояка», а чтобы облегчить свои страдания, давали сами себе совет, что его адрес можно узнать через местную церковь? То есть до того как открыть дело на Нжде, прежде чем передать на бумаге, они заранее всё знали, и, зная, вместо того чтобы немедленно перейти непосредственно к делу, чекисты самозабвенно занимались «сочинением» показаний от имени Нжде... а в результате Асатрян успеваешь сменить укрытие, его обнаруживают спустя почти три месяца. Или, в другом случае, подделка «ясновидящих» чекистов, что «Деведжян в настоящее время живёт в Варне, в доме сестры», то есть заранее знали, а если им это было известно, то нужно было бросать всё и бежать, арестовывать, пока он не сбежал, но нет, следователи не спешат, неизвестно почему ждут, чтобы сперва это сведение было «подделано и объявлено» в показаниях этого «несгибаемого» Нжде, а Деведжян пускай подождёт. Однако Деведжян не ждёт, он тоже успеваешь бежать, его с трудом находят только через два с половиной года в Румынии. Зачем нужны были чекистам такие «оригинальные творческие поиски», тем более что за это не сносить бы им головы как «врагам народа», которые своей «преступной небрежностью помогли главарям диверсантов скрыться». Нет никакой логики в этой безнадёжной и искусственной гипотезе, что содержащие донос показания подделали сами чекисты, нет никакой причины подделывать их от имени Нжде. Что бы это дало следователям? Ничего, так как в этих выявлениях говорится только о других людях. Ещё один интересный отрывок, это из протокола номер 1, из первого же допроса от 12-го октября. После выдачи имён нескольких известных ему диверсантов Нжде добавляет: «Фамилий остальных не помню, но всех знаю в лицо, там я был несколько раз, со всеми встречался». Неужто и это импровизация от чекистов? Теперь вот пойми, для чего это было нужно подделывать чекистам, а ведь ещё необходимо дать этому разумное объяснение, зачем было чекистам от имени обвиняемого выдумывать такие слова, мол, «всех знаю в лицо... со всеми встречался»? Попробуйте-ка найти этому логическое обоснование и увидите, что встанете перед непреодолимыми трудностями, чекисты не имели причины высказывать от имени обвиняемого такие глупые и нелепые вещи. В случае задержания этих людей, во время очной ставки, могло выясниться, что Нжде не узнаёт их «в лицо», и в таком случае со следователей содрали бы шкуру за такую глупую и необъяснимую самодеятельность. Любой человек, не

имеющий какого-либо душевного расстройства, не сможет найти убедительное объяснение, для чего было нужно это бестолковое и даже опасное «творчество»? Но как только мы откладываем в сторону ложную и безосновательную гипотезу о фальсификации и принимаем действительность, то есть, что здесь нет ничего поддельного, что Нжде сам раскрывает информацию, тогда всё немедленно встаёт на свои места, всё с лёгкостью обосновывается, во всём сразу же проявляется логика. В чём же эта логика – понятно, что кроме Нжде никто не мог знать, что он «знает всех в лицо», что «фамилий остальных не знает», но ничего, «всех знает в лицо», то есть в случае возможной очной ставки с ними он готов подтвердить сущность этих диверсантов. Для Нжде это требовалось, чтобы показать, что в своём желании быть полезным для чекистов он искренен, что он ещё может пригодиться им, что он ничего не скрывает и готов к новым и новым раскрытиям, только бы он остался жив, только бы избежать казни.

Как мы уже несколько раз говорили, изначально именно это было главным мотивом в линии поведения Нжде: остаться в живых любой ценой и, если повезёт, выйти на свободу. На протяжении всех лет тюремного заключения Нжде этот мотив красной линией проходит во всех его показаниях и письмах. Здесь будет не лишним напомнить, что имена этих диверсантов в точности совпадают с именами в показаниях Айка Асатряна, арестованного позже. Это ещё один очень важный факт. Как это могло произойти, ведь в этом должна быть какая-нибудь логика, это должно иметь какое-то естественное объяснение, более того, что от Нжде это показание получили следователи «Смерш»-а – военной контрразведки, тогда как Асатряна допрашивали позже, тем более следователи КГБ, или их тоже охватил непреодолимый зуд «творчества»? Каким образом и почему должны были совпасть имена, данные в этих показаниях? Или же зачем нужно было подделывать показания, если в них лично для Нжде нет никакой опасности, наоборот, это только помогало дрожащему над своей жизнью «герою», так как его искренность истолковывается как сотрудничество со следственными органами и как смягчающее вину обстоятельство, в любом случае, это не могло ему повредить, ведь его донос содержал в себе полезные и важные сведения для чекистов. Следователи «Смерш»-а подделывали показания сами для себя, или же из-за перепуганного вида «рыцаря» их сердца разрывались на части и они решили заодно подделать «смягчающее обстоятельство», которое может быть поможет, может быть и не поможет, но уж точно не повредит? Затем, наверное, неожиданная эпидемия милосердия проникла сквозь толстые стены внутри КГБ, и они, дабы не отстать от своих коллег из «Смерш»-а в человеколюбии, посчитали за честь сделать одну благотворительную акцию с правильными идентичными именами в пользу Айка Асатряна. Снова настойчиво повторяем наш вопрос: как могли совпасть имена диверсантов в показаниях Нжде и Айка Асатряна, не будем забывать, что их допрашивали следственные группы, представлявшие различные и независимые одно от другого ведомства, да ещё и в различных местах и в разное время? Получается, что, как и в предыдущем – «зангезурском эпизоде», КГБ и «Смерш», неизвестно почему, хотели сделать доброе дело для Нжде, подделывали показание в его пользу, выходит так, поскольку в результате этих доносов могли пострадать другие, но не Нжде. Но это уже даже не фантастика, это скорее из жанра абсурда. А мы честно предупреждали, что гипотеза о поддельности показаний Нжде, как бы мы её ни рассматривали, сколько бы ни изучали, всегда неизбежно будет давать в результате только смехотворный абсурд.

Просто безжалостная реальность в том, что и «Смерш», и госбезопасность не имели цели, желания и задачи фальсифицировать показания Нжде и подделывать его дело, это им было не нужно, в этом не было необходимости. Они не подделаны, и именно в этом весь «секрет», именно по этой причине мы не можем найти ответ на вопрос, а почему они должны были подделывать, в

чём могла заключаться цель такой подделки, это причина, по которой мы не можем найти никакого логического объяснения для гипотезы поддельности дела, это причина, по которой содержание этих позорных показаний и шаткую гипотезу об их поддельности невозможно связать воедино никакой логической связью, это причина, по которой гипотеза о поддельности не имеет никакого рационального обоснования. В случае подобного желания не было бы никакой необходимости годами возиться с какими-то бумагами и тщательно их подделывать, всё закончилось бы очень быстро и нетрудно догадаться об эпилоге.

Во время ареста Нжде, в октябре 1944-го, его квартиру обыскали, конфискованные вещи были тщательно запротоколированы и был составлен соответствующий акт. Почему же никто ничего не подделал и не заявил, что, мол, мы обнаружили оружие, взрывчатые вещества, шпионские принадлежности, различные ужасные предметы для совершения диверсий против Советов и вот вам, пожалуйста, «признание» злодея Нжде. Могли бы так поступить, если бы имелась цель и необходимость подделать дело, ясно, что могли, кто мог помешать? Но и в этом случае никто ничего не подделал. Конфискованное и запротоколированное было просто личными и бытовыми вещами: часы, расчёска, ключи, документы, удостоверяющие личность, ручка, карандаш, перочинный ножик, блокнот, нагрудные значки, один из которых – с надписью «За храбрость» (вероятнее всего, это была медаль, полученная за мужество, проявленное в Каракилисских боях). Однако был составлен ещё один акт на конфискованные из квартиры газеты, рукописи, письма и книги. В этом списке – в основном именно труды Нжде, статьи, касающиеся дашнакцутюн и цегакронизма. Есть в нём записи и материалы с антисоветским содержанием, но, опять же, чекисты не сделали из этого какую-нибудь оглушительную сенсацию. Более того, был представлен вывод армянского переводчика относительно обнаруженной литературы, который стоит внимательно прочитать.

«Я, переводчик следственного отдела главного управления «Смерш» С. Егян, прочёл материалы, написанные на армянском языке, которые были конфискованы... Все эти материалы свидетельствуют, что Тер-Арутюнян был активным деятелем антисоветской партии «Дашнакцутюн», однако же, за исключением его статей, напечатанных в газетах, в изученных материалах не было обнаружено таких документов, которые подтверждали бы конкретные факты его разлагающей деятельности против Советского Союза. Так же в изученных материалах не было обнаружено таких документов, которые могли бы иметь научную ценность. Основываясь на этом, прихожу к выводу, что конфискованные у Тер-Арутюняна материалы не представляют важности и ценности для следствия. Переводчик следственного отдела Егян, март, 1945г. гор. Москва».

Как видим, и в этом случае не видно специального настроя, целеустремлённости и тяги к тому, чтобы подтасовать факты и повесить всех собак на Нжде. Чекисты не имели в этом необходимости. Нжде, в известной степени, уже был «их человеком». Оперативная работа с ним продолжалась также и после вынесения приговора. Если бы советские власти и их КГБ пожелали расстрелять Нжде, то сделали бы это без лишнего юридического крючкотворства, или же они боялись, это кого же, кто схватил бы их за руку, кто мог бы запретить? Даже не было бы причины тратить время на расследование, зачем проводить расследование, если расстрелять легче и дешевле, а фабрикация дела требует времени, мучений и трат? Но даже если подделывать дело, то чтобы обмануть кого, самих себя? Тем более что это дело не рассматривалось в суде, приговор Нжде вынесла специальная комиссия Министерства Государственной Безопасности, а не суд. Таков был принятый порядок в случае не столь громких и малозначимых дел. Таких дел было несметное число, все их расследовать в судебном порядке, проводить

судопроизводство было физически невозможно. И без подделывания дело имело, одного только факта общения с немецкой контрразведкой, не говоря уже о вербовке группы диверсантов, вполне достаточно, для того чтобы воюющая страна после первого же допроса поставила его к стенке и выпустила пулю в лоб. С другими так и поступали за ещё меньшие и незначительные проступки. Шла война, и страна, борющаяся и несшая огромные потери, имела неоспоримое право так поступать. Нжде был умным человеком, он знал, что так может быть, он сам так и поступал в Зангезуре, расстреливал или сбрасывал в ущелье пленных красных и большевиков-крестьян, какое там расследование, этого он и боялся. Мы же видим обратную картину: тактика добровольного предложения своих услуг органам госбезопасности и предательства друзей только облегчила положение боящегося расстрела заключённого, именно из-за этого он был терпим для КГБ, именно этим объясняется неестественное добросердечие чекистов по отношению к нему, именно это помогло избежать смертной казни. Значит, предполагать, что эти показания могут быть подделаны, означает вынужденно принимать нелепую гипотезу, что чекисты хотели спасти его, занимались фальсификацией для того, чтобы помочь ему, так получается, поскольку в результате всего этого Нжде остался жив и даже имел надежду выйти на свободу. За свои услуги «презирающий смерть рыцарь» избежал более чем вероятного расстрела, сполна был оплачен со стороны советских властей ещё несколькими годами жизни и особенной заботой. И, самое главное, давайте не будем забывать, что помимо протоколов допросов, есть ещё письма и тюремные записи Нжде, которые не менее красноречивы, они написаны его рукой... и также эти записи делают неопровержимой историческую достоверность сохранившихся документов. Ответы Нжде следователям с точки зрения установленной для него меры наказания не имеют какого-либо значения.

Независимо от его «признаний» или «отрицаний» советская власть как пожелала бы, так бы и поступила, если пожелала – могла бы его расстрелять, если пожелала, то вместо 25 лет осудила бы на 10 лет лишения свободы, если бы пожелала – могла даже освободить из-под заключения, сделала бы доброе дело. Следовательно, для чего нужно было подделывать нелогичные и бессмысленные показания, кому бы их показывали, кого хотели этим обмануть, кого бы боялись или кому бы давали отчёт? Где это видано, где это слышано, чтобы чекисты так подделали показания обвиняемого «антисоветчика», чтобы их было возможно истолковывать только в пользу именно обвиняемого, чтобы в них мы не смогли найти ничего, наносящего ему вред? Пусть попробует педантичный читатель найти хотя бы одно предложение в ответах Нжде, хотя бы одно слово, которое могло бы дать повод чекистам истолковать его во вред обвиняемому и которое могло бы ещё больше ухудшить его положение, и о котором мы могли бы сказать: вот, пожалуйста, этот ответ Нжде, это показание либо это письмо может отяготить его вину, может навредить ему, значит, это подделано, значит, это дело рук чекистов.

Все тюремные записи, письма и все показания Нжде, будь то «зангезурский эпизод» или «немецкий эпизод», бесспорно – в его пользу, в том смысле, конечно, что он, как было сказано, боялся перспективы смертной казни и при этом верил в то, что может получить свободу. В показаниях и записях Нжде мы не находим хотя бы одного неосторожного промаха по отношению к нему, одной ошибки, одного раскрытия, которые могли бы быть истолкованы во вред ему, они исключительно в его пользу, как обвиняемого, цель которого любой ценой избежать расстрела. Во всех своих ответах и записях он хочет показать советской власти свою безоговорочную капитуляцию, свою угодливость без остатка. Так что, у чекистов не было причины подделывать или фальсифицировать показания Нжде, да ещё в особенности для того, чтобы помочь ему. Это факт, с которым нужно считаться, как бы трудно это ни было.

Отношение советских органов госбезопасности к Нжде было обусловлено всего-навсего тем, насколько он сможет быть полезным для чекистов, в какой степени он сможет оказать известные услуги, которые предложил именно он, это была его инициатива, а они, как мы увидели, были из не столь уж почётных видов услуг, в особенности для «рыцаря». Чекисты на протяжении всей своей работы с Нжде честно платили ему за его услужливость. Нжде не был обвинён в каком-либо преступлении, которого он не совершал. У Нжде никогда не вырывали признаний мучениями и пытками, его никогда не вводили в заблуждение мнимой перспективой борьбы против Турции, ему никогда не давали фальшивых иллюзий на освобождение из-под ареста, его никогда не обманывали пустыми и неосуществимыми обещаниями. Чекисты не лишены были умения проявить и человеколюбие, насколько это было возможно, иногда даже вызывающего удивление, несмотря на то, что заключенный, показывающий характерные для «маленького человека» очевидные признаки мании величия, не всегда по достоинству может оценить такое отношение, считая, что имеющегося ещё мало для его «исключительной и несравненной личности». Может быть, такая неожиданная от чекистов редкостная заботливость по отношению к самодовольному заключённому так же и в нём ещё больше углубила уверенность в личной исключительности... Но и сказка имеет обыкновение заканчиваться, для «героя рыцаря» конец сочинённой им же сказки об «антитурецкой миссии» его исключительной личности пришёл сразу. КГБ неожиданно потерял интерес к предложенной Нжде «шпионской игре» с Дашнакцутюн, и сразу же стало понятно, что кроме этой игры и вне этой игры Нжде для КГБ не имеет и не имел какой-либо значимости, какая «антитурецкая борьба», какая «историческая миссия»! Наш «исключительный и неповторимый рыцарь» случайно разом превратился в ничто, а его последние месяцы несчастного существования предателя длились недолго, проходя во вкушении обычного тюремного меню из солёной рыбы и в надоедливых безрезультатных заверениях «настоящих учеников Великого Ленина» в его «искренней дружбе»...

Мы беспристрастно и честно попробовали убедить самих себя, что Нжде не занимался доносами, что его показания, может быть, подделали чекисты. Однако все эти попытки дали прямо противоположный результат, это было неизбежно, и мы увидели, почему. Открыто и искренне обсудили все возможные и невозможные варианты, для того чтобы освободить его от этой постыдной вины. Но всем известно, что «утаить шило в мешке» – трудное дело. Нам тоже этого не удалось, не вышло. Нам так и не посчастливилось отвести «горькую чашу» бесчестия от «доблестного рыцаря», не сумели, не можем, поскольку он предпочёл жизнь во всех обстоятельствах и любой ценой...

Что касается ситуации в современной Армении, то можно констатировать установление культа личности Нжде. Его фигура превратилась в настоящую икону для националистов; отношение к его политической деятельности соответствующее: он единственный, кто не совершал ошибок, его личность непогрешима и не подлежит критике, любой, кто сомневается в его «святости» – предатель. Насаждение мифа о Нжде, как о спасителе нации, началось с обретением «независимости» и реставрацией капитализма в Армении. Пришедшим к власти буржуазно-националистическим группам для закрепления нового общественно-экономического строя нужна была новая идеология со своей мифологией. Ничего нового не надо было придумывать – армянские националисты в эмиграции задолго до событий 91-го года создали миф о Гарегине Нжде. Новой армянской буржуазии всего лишь надо было перенять агитки националистов о полузабытой исторической личности и через тотальную пропаганду навязать идею: Нжде – спаситель и защитник нации. Его иррациональные, человеконенавистнические идеи о существовании правильных и неправильных армян, его отрицание классовой борьбы внутри нации оказались полезны для новой буржуазно-олигархической

власти.

Идеи Нжде – идеальный способ отвлечения армянской молодёжи от осознанной классовой борьбы и оправдания классового неравенства. Личность Нжде – идеально подходила для новой идеологии, построенной на антикоммунизме, ведь сам Нжде давно являлся символом антикоммунизма и антисоветизма, к тому же националисты его считали мучеником, которого замучила советская власть. Например, народный герой Андраник Озаян более значимая фигура для национально-освободительного движения Армении, но, по мнению армянской буржуазии, он не совсем удобен для новой националистической идеологии. Во-первых, Андраник не считал себя националистом, о чем неоднократно говорил. Во-вторых, он изначально поддержал советскую власть, даже находясь в эмиграции, помогал Советской Армении, не поливал грязью Советы и боролся с клеветниками. Очевидно, что Андраник не подходит для насаждения в армянском обществе шовинизма и классового мира. В этом и кроется причина насаждения культа Нжде в армянском обществе. При помощи фигуры и жизненного пути Нжде армянская буржуазия пытается сделать прививку обществу от коммунистических идей.

[Читать первую часть](#)

[Читать статью на армянском](#)

Автор: Ашот Абгарян

Перевод: Рубен Мхитарян

[Оригинальная статья](#)